

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПСИХОАНАЛИЗА

Э-DEEP

А. В. Россохин

Россохин Андрей Владимирович – титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), доктор психологических наук, профессор, завкафедрой психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, рук. магистерских программ «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» и «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), президент Московской психоаналитической ассоциации (МПА), почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АРСВС), главный редактор журнала «Журнал клинического и прикладного психоанализа».

В статье представлены размышления автора о внутреннем фантазматическом мире маленького Эдипа, описанном в трагедии Софокла.

Ключевые слова: психоанализ, Эдип, миф об Эдипе, трагедия Софокла, эдипов комплекс.

Античные драмы подобны сновидениям. У них есть видимое и ясное содержание, но их истинная суть совершенно в другом. Она раскрывается не тому зрителю, который просто наблюдает за действиями, происходящими на сцене, но тому, кто в нее погружается эмоционально, бессознательно открываемая невидимой, скрытой за явным содержанием постановке, позволяет себе прочувствовать и даже пережить глубинный внутренний конфликт, которому и посвящена драма. Общечеловеческая значимость многих античных драм заключается в их универсальности, то есть в их отражении не какого-то присущего отдельному человеку или группе людей частного конфликта, а самой внутренней сути человека, тайн, скрытых в самых дальних уголках бессознательного каждого человека.

Как и при толковании сновидений, мы не должны пытаться проникнуть своим разумом в античную трагедию, стремиться ее понять, расшифровать. Это приведет лишь к играм разума, рассматривающего закрытый занавес, на котором, как на экране, проходит действие пьесы. Открыть занавес и погрузиться в происходящее на скрытой сцене можно, только отпустив свою фантазию, переживая, проживая *бессознательно* что-то непонятное, иногда пугающее, иногда возбуждающее, но всегда неопределенное, неясное, удивляющее и захватывающее всю душу в результате ее глубинного резонанса с конфликтами, делающими из животного – человека, из инстинктов – влечения, из потребностей – желания, из сексуальности – психосексуальности, и в целом с теми силами, которые создают внутренние миры человека.

Читая текст Софокла, слушая аудиозапись или сидя в зрительном зале и смотря представление об Эдипе, мы узнаем историю о его трагической судьбе. Его отец, фиванский царь Лай, узнал о предсказании, согласно которому его сын его убьет. Эдипа, который в это время был еще младенцем, отнесли в горы, чтобы убить. Слуга, который должен был это сделать, ослушался приказа и сохранил ребенку жизнь, отдав его пастуху из Коринфа. Последний принес его в Коринф, где бездетные царь и царица сочли это даром богов и усыновили его. Уже будучи юношей, Эдип услышал от кого-то, что он ненастоящий сын царя. Он решил пойти к Дельфийскому оракулу, чтобы узнать о своей судьбе. Там он услышал страшный приговор – он убьет своего отца и женится на своей матери. Он уходит прочь от Коринфа, стремясь избежать начертанной богами судьбы, но по дороге в Фивы встречается с колесницей, в которой ехал царь Фив Лай. Не зная ни что он царь Фив, ни что это его отец, Эдип в ходе конфликта убивает его. Фивы в это время держит в жутком страхе Сфинкс, загадывающий людям загадки и разрывающий их на части, когда они их не отгадывают. Фиванцы решили, что тот, кто победит Сфинкса, тот станет их новым царем и мужем овдовевшей царицы Иокасты.

Эдип встречается со Сфинксом, отгадывает загадку, и Сфинкс бросается со скалы и погибает. Став царем Фив, Эдип, не зная того, женится на своей матери Иокасте, которая рождает ему четырех детей. Спустя много лет на Фивы нападает мор от чумы. Люди обращаются за помощью к Эдипу, однажды уже спасшему их от ужасного чудовища Сфинкса. Эдип обращается за помощью к оракулу, который устами Аполлона сообщает о том, что мор прекратится, когда будет убит или изгнан тот, кто убил царя Лая.

Эдип всеми силами стремится найти убийцу, не подозревая, что это он сам. Когда все проясняется, его жена-мать Иокаста убивает себя, а сам Эдип, считая, что он недостойн самоубийства, выкалывает себе глаза и становится слепым изгнанником.

Такова ясно видимая история Эдипа, его внешняя и внутренняя драма. Прочитанная, прослушанная или увиденная на сцене, она с самого начала ставит любого человека перед неосознанным выбором – отстраненно смотреть глазами и слушать ушами эту драму как нечто внешнее, не имеющее к тебе никакого отношения, или смотреть и слушать ее своим

бессознательным, по возможности отпустив защитный контроль сознания, проживая эту драму как свою собственную. Во втором случае эта трагедия откроет свой завес и пустит нас на свою скрытую сцену, на которой все происходит не во внешней реальности, как это описано в драме, а во внутреннем мире человека.

На этой скрытой сцене мы начинаем лучше присматриваться к кажущимся ранее незначительными деталям, стремясь чувствовать, фантазировать, ассоциировать вместе с Софоклом настолько свободно, насколько мы можем.

Почему отец (Лай) был так безоговорочно уверен в том, что его сын захочет его убить? В мифе это объясняется предсказанием богов, то есть тем, что сам человек не может изменить свою судьбу. Если боги – это метафора мощных сил бессознательного, перед которыми Я бессильно, то речь идет о трансгенерационных переживаниях – психическом опыте, передающемся из поколения в поколение.

Лай верит предсказанию, так как он сам, будучи сыном, хотел убить (в бессознательных фантазиях) своего отца, а тот – своего и т. д. Тем не менее это не отец приказывает убить сына, это делает его жена, мать ребенка.

При этом на явной сцене она приписывает убийство сына своему мужу. Иокаста говорит Эдипу: «О, перестань об этом думать, царь! Меня послушай: из людей никто не овладел искусством прорицанья. Тебе я краткий довод приведу: был Лаю божий глас, сама не знаю, от Феба ли, но чрез его жрецов, что совершится рок и Лай погибнет от нашего с ним сына, а меж тем, по слуху, от разбойников безвестных он пал на перекрестке трех дорог. Младенцу ж от рожденья в третий день *отец связал лодыжки и велел на недоступную скалу забросить*» (Софокл, с. 45. Курсив автора статьи).

Перед внимательным читателем Софокла тем не менее вскоре откроется другая, скрытая сцена. Пастух, которому было поручено убийство младенца, рассказывает Эдипу:

«Пастух:

Увы, весь ужас высказать придется...

Эдип:

А мне – услышать... Все ж я слушать должен.

Пастух:

Ребенком Лая почитался он.

Но лучше разъяснит твоя супруга.

Эдип:

Так отдала тебе она младенца?

Пастух:

Да, царь.

Эдип:

Зачем?

Пастух:

Велела умертвить.

Эдип:

Мать – сына?

Пастух:

Злых страшилась предсказаний.

Эдип:

Каких?

Пастух:

Был глас, что сын убьет отца

...

Эдип:

Увы мне! Явно все идет к развязке.

О свет! Тебя в последний раз я вижу!

В проклятии рожден я, в браке проклят,

И мною кровь преступно пролита!»

(Там же, с. 78. Курсив и выделение автора статьи).

Предсказание не угрожало матери, почему именно она решилась на убийство своего сына? Почему ей было нужно перенести ответственность за убийство на мужа? За что она ненавидела своего маленького сына?

Если мы понимаем, что речь идет не о внешних событиях, а о том, что происходит во внутреннем мире Эдипа, о его переживаниях и фантазиях, то Иокаста – это предающая ребенка мать, бросающая его каждую ночь ради его отца. Она выбирает своего мужа, отца ребенка, а не Эдипа, и тем самым «убивает» его. Или точнее – чтобы уединиться с мужем в спальне и наслаждаться любовными отношениями вдвоем с ним, она должна забыть о ребенке и о себе как о матери, став любовницей для мужа. Любовница избавляется от ребенка и от матери. Сам изгнанный из первосцены ребенок вынужден «стоять» у дверей родительской спальни, будучи не в состоянии проникнуть в нее физически, но и неспособным уйти и спокойно спать в одиночестве. Возможно, это бесконечное «стояние» перед первосценой и нашло свое выражение в имени Эдипа – «опухшие ножки». Формально его так называли приемные родители в связи с тем, что его ножки опухли от ремней, которыми они были связаны в горах.

Кто не знает маленьких мальчиков, которые утверждают, что женятся на маме и при этом враждебно настроены к своим отцам? Один из любимых приемов режиссеров состоит в том, чтобы заставить зрителя прожить вместе с их главным героем все долгие последствия какого-то его выбора и затем внезапно вернуть нас вместе с ним в тот же самый момент, когда он, как казалось раньше, уже сделал свой выбор. Оказывается, все это было не в реальности, а лишь в его воображении, и это проигрывание будущего при одном или другом выборе в конечном счете помогает герою фильма сделать правильный выбор (классический пример этого процесса показан в фильме «Адвокат дьявола» Тейлора Хэкфорда).

Именно так построена, с моей точки зрения, и трагедия Софокла. Она не о реальности, прожитой ребенком, юношей, мужчиной, стариком. Она о фантазматической реальности маленького Эдипа, стоящего на перепутье разных дорог, разных выборов, от которых прямо зависит его дальнейшая

судьба. В отличие от античного взгляда на невозможность для человека определять свою судьбу, которая уже прочерчена богами, Фрейд не просто заменяет богов на бессознательное, что должно было бы тогда утверждать всемогущую власть последнего над человеком вместо богов. Фрейд делает Я человека активным участником внутренних и внешних событий, предоставляя ему определенные возможности совершать сознательные выборы. Иначе к чему был бы нужен весь психоанализ, если мы не способны ничего изменить, как Эдип у Софокла?

Прометей принес человечеству реальный огонь, Фрейд – внутренний огонь, осознание собственной силы Я, способной вмешиваться в предначертанную судьбой (бессознательным, например, трансгенерационной историей своего рода) сценарий, осмысливать его, сознательно прорабатывать и изменять, совершая свои собственные выборы. Очень часто психоанализ наивно обвиняют прямо в противоположном – в том, что Фрейд сделал из человека игрушку в «руках» темных сил бессознательного. Этот дилетантский и довольно распространенный взгляд на психоанализ происходит из нашего страха в отношении тех неизвестных сил внутри нас самих, которые открыл Фрейд. Гораздо проще знать, что есть бессмертные боги (Бог), от которых полностью зависит наша судьба, к которым можно обратиться, как маленький ребенок обращается к матери и отцу, и, возможно, они снизойдут до человека, простят его и позволят жить дальше. Многим кажется, что жизнь становится намного страшнее, если допустить, что ты зависишь не столько от могущественных внешних сил, как и в детстве, а от чего-то тайного, иногда опасного, деструктивного и разрушающего связи (влечение к смерти), но в не меньшей степени и от утверждающего жизнь, созидającego, связывающего нас с миром (влечение к жизни). Только в последнем случае у человека есть сила и возможность изменяться и менять свою жизнь и судьбу, в отличие от обреченного ей следовать античного Эдипа.

Маленький Эдип, изгнанный из родного дома (в моей интерпретации – из родительской спальни), не удаляется покорно спать в одиночестве. Он отправляется в долгое фантазматическое путешествие («опухшие от дороги ножки¹»). Сначала он, ощущая, что родители его предали и бросили одного («убили»), отказывается от них, заменяя их другими, лучшими, идеальными родителями, которые бездетные и, возможно, – поскольку между ними нет сексуальных отношений – почти святые. Мы с вами сразу можем вспомнить множество примеров фантазий маленьких детей о том, что их мама и/или папа на самом деле не настоящие, а настоящие – совсем другие, гораздо лучшие и идеальные.

Но фантазии о такой замене не спасают такого ребенка, как и Эдипа, от конфликтной судьбы влечений, которая над ним имеет такую же власть, как боги над Эдипом.

¹ Эдип – «опухшие ножки». Это имя ему дали коринфские царь и царица, так как его ноги были опухшие из-за ремней, которыми они были связаны в горах.

Обычно вопросы «откуда берутся дети?», «от кого дети происходят?», «какое отношение к моему появлению имеют мама и папа?», подразумевающие «как именно я появился на этот свет и кто сыграл в этом главную роль?», задаются детьми в раннем возрасте, преимущественно в период с трех до пяти лет. Их любопытство в отношении своего происхождения сопровождается интересом к отличию полов («чем мальчики отличаются от девочек»). Эти вопросы знаменуют собой усиление процесса отделения от всемогущих родительских фигур и поиск своего собственного Я.

За этими вопросами скрывается много непроизносимой агрессии в отношении родителей: «Если меня принес аист, то вы тут при чем?», «Если меня родила мама и я был в ее животике, то почему отец командует всеми?», «Если я так важен, то почему они меня выгоняют из своей кровати каждую ночь?», «Почему, когда папа уезжает в командировку, я могу спать с мамой в их кровати, а когда он возвращается, меня выгоняют?»

Эта агрессия, как правило, не высказывается, так как ребенок может встречаться с ответной злостью, которая для него выглядит как карающие молнии, которые разгневанный Зевс метал в смертных. Но дело не только и даже не столько в страхе выражения агрессии. Во-первых, сам ребенок может ощутить непереносимую, бездонную ненависть к одному из родителей или к ним обоим вместе. «Чтоб вы умерли и вас не стало», «Лучше бы тебя не было», «Исчезни навсегда» – подобное пугает не только последствиями, если вырвется наружу (что бывает довольно часто), но главным образом пугает самого ребенка, даже если он этого не произносит вслух. В своей фантазии он хочет, чтобы, например, *отец* исчез, но при этом он точно так же боится и не хочет этого, потому что любит своего *папу*. Кроме этого, он знает, что он слишком мал, слаб и зависим, чтобы бросить вызов и сразиться с отцом.

В мифе об Эдипе нет ни слова о его детском периоде, кроме констатации факта, что его хотели убить его собственные родители, но в результате его усыновили добрые приемные родители. Мы встречаем в мифе уже Эдипа-юношу. Миф позволил ему мгновенно перепрыгнуть от момента своей тотальной беспомощности и зависимости своей жизни от родителей в состояние сильного и пытливого юноши, который только и может бросить вызов родителям. Мы знаем, что именно вопросы о своем происхождении выталкивают Эдипа из ставшего ему родным дома и он отправляется в странствие, которое закончится выколотыми глазами.

Факт «мгновенного взросления» Эдипа в мифе подтверждает мою идею о том, что миф рассказывает не о внешней истории жизни Эдипа, а о фантазиях маленького мальчика, начавшихся в момент зарождения в нем вопросов о своем происхождении. Он словно проигрывает в своей фантазии, какова будет его судьба, если он выберет дорогу, которая так сильно *бессознательно* будоражит его воображение – «убить отца и жениться на матери».

Маленький Эдип, как и любой ребенок в его возрасте, задается вопросами о происхождении жизни, что ведет его к внутренней встрече с первосценной (фантазиями о чем-то тайном и непонятном, что происходит

между родителями в их спальне) и своими собственными запретными желаниями.

Они (он/она) не пускают ребенка к себе в кровать, он чувствует тревогу, страх, брошенность, одиночество. Затем он испытывает ярость и пытается силой физически преодолеть запрет. Волны ярости и бессилия сменяют друг друга, и, обессиленный и отчаявшийся, он находит другой способ успокоить свою тревогу и чувство ненужности и выброшенности. Он прибегает к уже хорошо зарекомендовавшему себя ранее способу самоуспокоения – галлюцинированию. Другими словами, он понемногу успокаивается и засыпает так, что все-таки проникает в родительскую спальню, но не в реальности, а в своих сознательно-бессознательных фантазиях и позднее посредством сновидений. Очень часто эти фантазии сопровождаются мастурбацией. Доставка себе удовольствия успокаивает ребенка, но также может и приводить к перевозбуждению как телесному, так и психическому, когда фантазии теряют свой символизм и зашифрованность, становятся чрезмерно реалистическими, обжигающими и даже травмирующими и уничтожающими. История Эдипа – это рассказ именно про такие фантазии, которые совершенно непереносимы, запретны и неприемлемы в человеческой цивилизации. Наказание за них – смерть. Чтобы их избежать, остается только одно средство – уничтожить саму возможность их иметь, их видеть, проживать – «выколоть свои глаза». Лишая себя зрения в мифе, Эдип становится «зрячим» как Тиресий, такой страшной ценой он наконец обретает понимание, кто он есть и как устроен человеческий мир.

Лишение глаз в мифе – это не физический акт, приводящий к слепоте. Это отказ от стремления проникнуть в первосцену, отказ от желания убить отца и занять его место рядом с матерью, отказ от желания обладать ею, как это делает отец, и от желания родить с ней детей. Именно это делает Эдипа зрелым и мудрым, способным по-настоящему видеть. В мифе он становится слепым стариком, наказавшим себя за запретные желания и фантазии, которые были ему предсказаны и от которых он убегал, но которые его безжалостно настигли. В моей психоаналитической трактовке это проигранный в бессознательной фантазии маленького Эдипа самый ужасающий сценарий эдипова комплекса, ставший достоянием человеческой культуры благодаря античному мифу об Эдипе и трагедии Софокла².

Понимание невозможности прямого смотрения на Солнце сохраняет глаза от обжигающего воздействия этой звезды. Некоторое таинственное должно навсегда остаться тайной, позволяющей о ней лишь фантазировать, не переходя к действиям. Тайна сексуальных отношений наших родителей, так возбуждающая наш интерес в особенности потому, что это связано с нашим происхождением, должна остаться тайной. Иначе мы встретимся с ледяной пустыней собственной психики. Если все видно и

² Трагедия Софокла наиболее известна, но миф об Эдипе вдохновил многих других античных и следующих за ними драматургов, писателей, художников, композиторов и кинорежиссеров.

нет никакого секрета, если можно заниматься сексом рядом со спящим ребенком, не заботясь о его чувствах, если все позволено и нет никаких запретов, то у такого ребенка не будут формироваться ни психика, ни сексуальность.

Одновременно тайна не должна приводить к другой крайности, которая может или перевозбудить ребенка, и он тогда не сможет психически переработать происходящее и будет вынужден «выколоть себе глаза», то есть сделать себя невидящим в отношении и этой тайны, и сексуальности в целом; или, наоборот, привести к такому же холоду, как и в случае полной «открытости». В первом случае это, например, происходит, если ребенок слышит раздающиеся в спальне непонятные ему слова («грязная шлюха», «ты моя проститутка», «какая у тебя сладкая вагина», «вставь в меня свой огромный клинок», сочетающиеся с ударами, криками, стонами и воплями³).

Во втором случае к внутреннему психическому холоду вследствие потери либидо и способности к фантазированию приводит «гробовая» тишина первосцены. Представим себе семью, в которой у родителей нет никакого телесного контакта на глазах у ребенка, они не обнимают и не целуют друг друга на глазах у детей, ходят «в костюмах» дома, в их спальне стоят две отдельные кровати или они спят в отдельных комнатах и никогда вместе (по крайней мере, чтобы дети это обнаружили). Отсутствие тайны первосцены или, точнее, ее гробовая тайна (намек на смерть сексуальности) убивают способность ребенка к фантазированию и соответствующему развитию собственной сексуальности.

Отсутствие возбуждения так же опасно для развития психики, как и перевозбуждение. Отсутствие любопытства, желания засунуть нос (своими фантазиями) туда, куда нельзя, или навязчивые, безостановочные действия, физические попытки прорваться в родительскую кровать; доминирование влечения к смерти или влечения к жизни; холод или огонь; отстраненность или физиологичность – все это характеристики описанных выше двух крайностей восприятия первосцены.

Вернемся к маленькому Эдипу. Он хочет узнать о своем происхождении, что означает, что он стремится увидеть первосцену своего рождения. В этом сценарии реализации эдипова комплекса он слышит от оракула предсказание, что он убьет отца и женится на своей матери. С психоаналитической точки зрения это означает, что увиденная в фантазии первосцена вызывает гипервозбуждение и порождает внутри маленького Эдипа бессознательное желание занять место отца рядом с матерью. Как правило, эти фантазии остаются бессознательными, но часто они выходят на переднюю часть психической сцены, и мальчик открыто заявляет, что, когда его отец умрет, он женится на матери.

³ Я ни в коем случае не хочу сказать, что издавать звуки, которые может услышать ребенок, плохо и нужно подавлять в себе эти важнейшие проявления оргазма у обоих полов. Они в большей степени свойственны женщинам, поэтому у ребенка складывается садомазохистское восприятие первосцены. Я здесь пишу о *крайних* проявлениях звуков: с одной стороны, гробовая тишина, с другой – мат.

Первая часть этого желания-фантазии проигрывается в бессознательном маленького Эдипа (он не ведает, что творит), когда он убивает Лая, сразу после предсказания (то есть осознания своего желания). Но миф не продолжается рассказом о немедленной женитьбе «победителя отца» на своей матери. Меду этими двумя событиями (фантазиями) происходит совершенно другая, третья сцена – встреча Эдипа со Сфинксом, ужасающим мифическим существом с женской головой, телом и хвостом льва, крыльями птицы.

Почему сразу после убийства отца он сразится с этой Химерой и победит? Сфинкс загадывает о многом говорящую нам загадку: «Что ходит на четырех ногах, на двух и на трех и чем больше ног, тем оно слабее?» Если Эдип ее не отгадает, то Сфинкс раздерет его на части и сожрет его (как это сделали бы волки в горах, если бы слуга исполнил приказ Иокасты, матери Эдипа). Если же он отгадает загадку, то Сфинкс сбросится со скалы и погибнет.

«Убивая» отца в первосцене и оставаясь без его защиты от слияния с матерью, маленький мальчик оказывается перед лицом не матери эдипова комплекса, а архаической всемогущей матери. Казалось бы, исход этой встречи предопределен: он будет сожран, потеряет свою отдельность, мать поглотит его, и он станет ее нарциссической частью. Это довольно частая история неполных семей, в которых мать целиком посвящает себя ребенку, полностью отказываясь от отношений с мужчинами.

В мифе об Эдипе все происходит прямо противоположным образом. Эдип, напротив, побеждает Сфинкса, забирает у него силу и благодаря этой победе (силе) и женится на овдовевшей царице, своей матери. Почему?

Даже убив отца, маленький Эдип не имеет ни малейшего шанса заменить его в постели матери, став для нее мужчиной, который может ее удовлетворить. Если мать не захочет посвятить всю себя ребенку, то ее женское Я будет искать сексуальной любви не в постели с сыном, а с другим взрослым мужчиной. Если же мать, потеряв или избавившись от мужчины, решает пожертвовать своей жизнью ради него, то это означает, что, повернувшись своей женской стороной к ребенку, этот Сфинкс будет искать в нем вместо мужчины скрытое сексуальное удовлетворение. В одном из крайних полюсов это будет переход к действию, то есть соблазнение ребенка и инцест с ним. В другом полюсе – полная «монашеская» асексуальность.

Итак, Эдип встречается Сфинкса и отгадывает загадку, кто такой человек. Он, оказывается, представляет собой существо, которое сначала ползает на четвереньках, затем ходит на двух ногах, а к старости добавляется третья нога – трость. «Опухшие ножки» дают о себе знать. В понимании Эдипом человека полностью отсутствуют психика и культура. Он просто животное, умеющее использовать палку. Вся сложная и богатая психика остается у Сфинкса (архаической матери), который обманывает маленького Эдипа, соблазняя его легким ответом на вопрос о смысле человека – этого смысла у простого смертного просто нет. Это обман

«любящей» матери-Сфинкса – «ты часть меня, мы с тобой единое целое, я буду думать и чувствовать за тебя, тебе это не нужно, просто доверься мне».

Сфинкс в мифе погибает, но на психоаналитической сцене этого мифа Сфинкс никуда не исчезает, он просто прячется за кулисами, выпуская на передний план свою женскую часть, с которой маленький Эдип и вступает в инцест.

Миф рассказывает нам о различных перипетиях-дорогах эдипова комплекса и о переплетениях бессознательных желаний матери и ребенка. Кто кого убивает? Мальчик отца? Или мать убивает его для того, чтобы заменить его своим ребенком, которого она постарается сделать своей частью, чтобы его контролировать, чтобы он не смог сделать ей больно, как взрослый мужчина?

Или это все-таки ребенок убивает отца, чтобы остаться наедине с матерью? Но тогда он встречается со Сфинксом, победить которого ему не дано. Интересно, что главной инцестуозной силой в мифе об Эдипе выступает именно мать, а не отец, который играет пассивную и незначительную роль. Именно Иокаста сначала хочет убить сына, чтобы он не достался отцу. Здесь мы начинаем лучше понимать строки Софокла: «Теперь всезрящее тебя настигло время. И осудило брак, не должный зваться браком, в котором долго пребывали **слиянными отец и сын**» (Там же, с. 80).

На видимой части сцены речь идет о слиянии двух ролей – отца и сына у царя Эдипа. Но на другой невидимой сцене мы слышим иное. Возможное слияние отца и сына угрожает матери, исключает уже ее из первосцены, в которой маленький Эдип может занять ее место. Именно это и побуждает ее к попытке убить маленького сына.

Затем она в образе Сфинкса указывает Эдипу, что человек – это не тот, кто видит, а тот, кто ходит. Эдип не должен видеть, она побуждает его действовать. Убив его руками Сфинкса, свою архаическую часть, для которой было бы достаточно того, чтобы Эдип был просто сожран и стал ее частью, инцестуозная мать «забывает» о том, что это ее сын, и позволяет ему занять место мужчины рядом с собой.

Это одна из множества возможных версий эдипова комплекса.

Есть и другая. Сфинкс преграждает путь Эдипу, чтобы он не совершил инцест. Именно поэтому он Сфинкс (в большей степени мужское, чем женское начало), а не Сфинга, как в первой (женской) версии. Сам Сфинкс – это не архаическая мать в первосцене, а архаический отец. Однако сила влечений маленького Эдипа так велика, они еще не прошли психическую переработку, не обрели символический статус, они требуют перехода к немедленным действиям для своего удовлетворения. Ребенок не может ждать, он хочет получить все и прямо сейчас. Чтобы добраться до матери (до инцеста), ему нужно разрушить сначала генитальную (эдипову) первосцену (убив отца), затем прегенитальную (доэдипову) первосцену (убив Сфинкса). Если оба эти уровня психической защиты от инцестного отыгрывания еще не сформированы или слабые, то есть маленький Эдип – больше животное, чем человек, то путь к инцесту для него

открыт и свободен. Это путь в направлении от культуры к дикой природе, от человека к животному.

Вместе с маленьким фантазирующим Эдипом мы проживаем всю его предстоящую жизнь в том варианте, когда выбор осуществился в пользу его «эдиповых» влечений – устранить отца и занять его место рядом с матерью, стать настоящим отцом, родив с ней детей. Выбор в пользу инцеста – неосознанный, как в случае Эдипа, так и в случае любого другого маленького ребенка, – влечет за собой неотвратимые последствия – чуму в мифе об Эдипе или страшное затопление патологическим бессознательным для ребенка, угрожающее ему безумием.

Каждый из нас, взрослых людей, уже прошел свою часть пути, проделанного Эдипом, испытав ненависть к отцу и любовь к матери или другую комбинацию и направленность этих чувств. В зависимости от того, в какой степени и насколько сознательно мы смогли разрешить этот конфликт, разгадать загадку Сфинкса о происхождении самих себя, в зависимости от этого мы будем способны продолжать делать в той или иной мере сознательные (то есть *относительно* свободные от диктата бессознательного) выборы и дальше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Софокл. Царь Эдип. ФТМ, 429 до н.э.*

Æ-deep (Ædipus)

A. V. Rossokhin

Rossokhin Andrey V., Titular member of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), Doctor of Science in Psychology, Professor, Head of the Department of Psychoanalysis and Business Consulting at the National Research University "Higher School of Economics", Head of the Master's Programs "Psychoanalysis and Psychoanalytical Psychotherapy" and "Psychoanalysis and Psychoanalytical Business Consulting", member of the International Psychoanalytical Association (IPA), President of the Moscow Psychoanalytical Association (MPA), Honorary President of the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC), Editor-in-Chief of the Journal of Clinical and Applied Psychoanalysis the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC).*

** Doctor of Sciences. A post-doctoral degree called Doctor of Sciences is given to reflect second advanced research qualifications or higher doctorates in ISCED 2011.*

The article presents the author's reflections on the inner fantasy world of little Ædipus, described in the tragedy of Sophocles.

Keywords: psychoanalysis, Ædipus Rex, tragedy of Sophocles, Ædipus myth, Ædipus complex.